

ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В РОССИИ

НАЦИОНАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ И ЭТНОПОЛИТИКА В ВОСТОЧНОФИНСКИХ РЕСПУБЛИКАХ РОССИИ

Ю.П.Шабаев, И.Л.Жеребцов, Дж. Александер

Этнополитические проблемы стали сегодня предметом пристального внимания российских ученых-обществоведов. Однако, и сам предмет этнополитологии, и реальные возможности для объективного анализа явлений и процессов, составляющих этот предмет, стали российской научной традицией совсем недавно. По существу определение предмета этой науки еще продолжается, хотя ясно, что "этнополитология имеет пограничный характер, так как охватывает сферу взаимодействия этносов с политикой" (1).

Естественно, что отечественный опыт изучения политической жизни этнических групп и сообществ, в том числе финно-угорских народов России, крайне скуден и многое из того, что уже опубликовано в специальных и общедоступных изданиях весьма спорно. Самым большим недостатком такого рода публикаций является чаще всего отсутствие глубокого анализа, следование политическим мифам или политическим пристрастиям, излишний эмоциональный пафос.

Впрочем и у многих зарубежных коллег взгляды на развитие финно-угорских народов часто весьма наивны. Так, особенности формирования литературных языков у этих народов, связанные с тем, что за основу при их создании брался какой-то один диалект и разрушительные последствия такого рода языкового строительства рассматриваются как преднамеренная политика, "задуманная теми же самыми силами, которые хотели уничтожить все малые народы и создать "советского человека" (2). Примерно такие же рассуждения можно прочитать по поводу демографических процессов, изменений в культурном облике народов. Попытки найти злой умысел и запрограммированные последствия, которые изначально были заложены в так называемую "ленинскую национальную политику" не только не обоснованы, но и не выдерживают критики по весьма простой причине. Дело в том, что хотя первое большевистское правительство и было правительством интеллектуалов, сам большевистский переворот привел к власти, к реальному управлению страной в центре и особенно на местах наименее социально продвинутые, образованные, а нередко и просто люмпенизированные слои населения, которые отнюдь не были способны делать долгосрочные политологические прогнозы и точно рассчитывать последствия предпринимаемых ими мер.

Если же говорить о теоретических установках в национальной политике того времени, то они были скорее направлены против русского народа, великодержавного шовинизма. Хорошо известны высказывания Ленина, которые фактически отрицают равноценность национальных культур, и требуют более пристального внимания к малым народам, к "инородцам". Хотя сейчас и не принято

цитировать Ленина, но мы все же приведем цитату из его программной статьи "К вопросу о национальностях или об "автономизации": "Для пролетария не только важно, но и существенно необходимо обеспечить его максимум доверия в пролетарской классовой борьбе со стороны инородцев. Что нужно для этого? Для этого нужно не только формальное равенство. Для этого нужно возместить так или иначе своим обращением или своими уступками по отношению к инородцу то недоверие, ту подозрительность, те обиды, которые в историческом прошлом нанесены ему правительством "великодержавной" нации". (3).

Разрушительные последствия советской национальной политики для национальных культур были все же определенным образом запрограммированы, но это связано было с тем, что все общественное развитие было подчинено идеологии. И именно этот принцип оказался непреодолимой преградой на пути свободного и самостоятельного развития народов России.

Здесь следует согласиться с мнением известного американского лингвиста Р.Уиксмена, который считает, что советская национальная политика в целом достаточно рациональна, логична и последовательна во времени и по отношению практически ко всем национальностям, ибо подчинена главным целям и интересам режима и соотносилась с функциями идеологии и общей политики (4).

Идеологическими доминантами советского режима служили превосходство пролетарской культуры над буржуазной (под которой нередко понималась и традиционная народная культура), противопоставление пролетарского интернационализма буржуазному национализму и более поздняя идея складывания "новой исторической общности людей - советского народа", т.е. некоего надэтнического сообщества. Эти идеи определяли всю общественную жизнь и в той или иной мере были приняты общественным мнением. И именно благодаря последнему обстоятельству серьезной оппозиции им не было, особенно в бывших финно-угорских автономных республиках. Нынешние идеологи национальных движений, те, кто активно выступает против "имперского" центра, обвиняет его в "геноциде" против своих народов или же отстаивает права на их самоопределение, отнюдь не были диссидентами, а напротив являлись вполне лояльными гражданами, никак не вставали в оппозицию к власти. Более того, многие меры, способствовавшие этнической эрозии, осуществлялись руками местных чиновников, представителей титульных национальностей. И это подтверждает тезис о том, что важнее для общества были общесоветские культурные ценности, а не национальные. В этой связи не выдерживает критики и другой постулат, который исповедуют некоторые современные идеологи национальных движений и ряд западных ученых — идея, что русский национализм являлся сущностью или важнейшей чертой советской национальной политики в целом или на каком-то из ее этапов. Не только в доперестроечные времена, но и в эпоху перестройки и постперестройки, когда русские оказались в весьма уязвимом положении, особенно на окраинах бывшего СССР, несмотря на многочисленные проявления русофобии и усилия русских национал-патриотов, русская идея и русский национализм все еще отвергается большинством общества. Так, согласно данным последнего опроса, проведенного фондом "Общественное мнение", лишь 23% россиян в той или иной степени согласны с точкой зрения, что во всех сегодняшних проблемах России следует винить живущих в РФ лиц не-

русской национальности, а 67% — в мягкой или категоричной форме ее отвергают (5).

Идея "Россия — для русских" или более мягкий ее вариант "Русским в России — приоритет" не поддерживаются общественным мнением. Опрос, проведенный Российским независимым институтом социальных и национальных проблем свидетельствует, что оба эти варианта поддерживают не более пятой части респондентов (6). Мы продублировали эти вопросы во время очередного исследования, проводимого в рамках реализации программы "Социально-психологического мониторинга" в Республике Коми и получили следующие данные: только 5,9% Русских респондентов согласились с вариантом "Россия должна быть государством русских людей" и 15,0% согласились с высказыванием "Россия — многонациональная страна, но русские составляя большинство, должны иметь больше прав, ибо на них лежит ответственность за страну в целом". При этом любопытно отметить, что 7,0% коми респондентов и 9,1% украинцев также высказали согласие с первым из указанных вариантов.

Столь пространные предварительные рассуждения необходимы, поскольку мы не можем абстрагироваться от исторических и социальных реалий, оценивая сегодняшнее положение финно-угорских народов и попытки решить национальные проблемы теми или иными политическими реформами.

Естественно, нельзя абстрагироваться и от реальной этнической ситуации, а потому остановимся на ней, но для примера будем использовать, в основном, данные по двум народам: коми и коми-пермякам. Это никоим образом не помешает реализации поставленной нами цели, так как национальные проблемы у всех восточнофинских народов примерно одинаковы.

Общая численность финно-угорских народов России, согласно данным переписи 1989 г. - примерно 3,3 млн. человек, что составляет лишь немногим более 2% населения страны. Причем эта доля остается практически неизменной на протяжении многих десятилетий, хотя темпы роста у разных народов весьма различны. С 1897 по 1989 гг. численность коми возросла на 224,3%, марийцев - на 78,8%, удмуртов - на 56,4%, коми-пермяков - на 45,2%. Что касается карел и мордвы, то их численность неуклонно снижается. У волго-пермских народов, имеющих свои национально-государственные образования, доля титульных этносов в населении колеблется от 23 до 43%, карелы составляют 10% населения Карелии, и только коми-пермяки составляют большинство (60%) жителей округа.

На протяжении жизни одного-двух поколений современная этническая ситуация на территории проживания восточнофинских народов решительно изменилась. Ряд народов превратился в национальные меньшинства. Например, доля коми в 1926-1989 гг. сократилась с 92% до 23%, доля мордвы в 1934-1989 гг. - с 38% до 32,5%, удмуртов в 1926-1989 гг. - с 78,5% до 30,9%, марийцев в 1926-1989 гг. - с 51,4% до 43,2%. При этом сугубо сельские этносы стали стремительно превращаться в городские. Так, если у коми в 1926 г. только 3% этноса были городскими жителями, то в 1989 г. уже половина коми являлась горожанами. Кроме того, что городская культура чужда сельским этносам, их городские части, как правило, составляют меньшинство населения (коми-15% городского населения Республики Коми) и вынуждены вступать в многочисленные контакты с иноэтничным окружением, усваивая новые для них стандарты культуры и потребления и тем самым подвергаясь усиленной ассимиляции. Одним из свиде-

*Национальное развитие и этнополитика в восточнофинских
республиках России*

тельств тесных контактов являются межнациональные браки. У коми примерно треть ежегодно заключаемых браков сейчас межнациональные, причем у городских коми - около половины, у марийцев 15% браков - это браки, где брачные партнеры принадлежат к разным национальностям, в городах - 22% (7), у удмуртов они составили в 1980 г. 10% на селе и 48% в городах (8). Значительную роль в ассимиляционных процессах играет то, что существенная часть финно-угорских этносов проживает за пределами своих республик: у коми - 13%, у марийцев - 52%, у коми-пермяков - 38%, у удмуртов - треть, у мордвы - большая часть этноса.

Естественно, что общая этническая ситуация и интенсивный характер межэтнических контактов, дополненные идеологической доминантой о формировании новой исторической общности людей, т.е. некоего надэтнического сообщества, именуемого советским народом, неизбежно должны были усилить влияние и значение русского языка в жизни всех финно-угорских народов.

Процессы, приходящие в языковой сфере у финно-угорских народов России, свидетельствуют о сравнительно высоком уровне языковой ассимиляции. Согласно итогам переписи населения 1989 г., 17,8% марийцев назвали русский родным языком; этот же показатель у коми-пермяков составил 28,7%, у коми - 28,9%, удмуртов - 29%, мордвы - 30,9%, хантов - 38,5%, карел - 51,2%.

При этом надо иметь в виду, что материалы переписи весьма неточно характеризуют языковую ситуацию. Массовые опросы показывают, что уровень языковой ассимиляции у финно-угорских народов России существенно глубже, нежели можно судить об этом по данным переписи населения. Это касается как разговорного языка, так и языковых ориентаций, языковых навыков. В частности, результаты опросов свидетельствуют, что лишь очень незначительная часть городских коми, коми-пермяков, удмуртов, карел, марийцев в семье разговаривают преимущественно на родном языке, в общественной и семейной сфере предпочтение отдается русскому языку. К примеру, если конкретно говорить о языковой ситуации у коми, то для ее характеристики сошлемся на результаты массовых опросов населения, проведенных в 1988 и в 1992 гг.

Среди городских коми-пермяков свободно владеют родным языком 62,9%, среди сельских - 90,1%, а русским свободно владеют 94,3% горожан коми-пермяцкой национальности и 81,7% селян. Сопоставим эти данные с материалами по Республике Коми: среди городских коми родным языком владеют 68,3% (больше, чем у коми-пермяков), а среди селян - 88,7%, при этом русским свободно владеют соответственно 97,3% и 87,8%.

Но наиболее важным показателем для языковой характеристики является, безусловно, разговорный язык в семье. Среди коми-пермяков - горожан в семье только на своем родном языке говорят лишь 11,4%, в основном на коми-пермяцком в меньшей степени на русском - 16,2%, а остальные либо, в основном, общаются на русском, либо только на нем. Среди сельских коми-пермяков картина, естественно, иная: 58,1% говорят дома только на коми-пермяцком языке и еще 8% - в основном, на нем, а остальные, как и в городе, используют либо больше русский, либо только русский язык для общения с домочадцами.

Мы опять-таки имеем вполне сопоставимые данные по коми, поскольку использовали единую методику и инструментарий исследований. Какова же картина у соседей? Здесь среди коми горожан только на коми дома говорят 8,5% и, в основном, пользуются коми еще 17%, а остальные предпочитают использо-

вать русский язык. Но на селе только коми дома использует меньшая доля, чем у коми-пермяков - 40,2%, и, в основном, коми пользуются еще 20,3%, остальные пользуются русским либо в основном используют его. Материалы микропереписи населения 1994 г. свидетельствуют, что несмотря на процессы национального возрождения, языковая ситуация у финно-угорских народов не меняется. Из каждой тысячи человек дома на русском языке общаются: у коми-пермяков - 552, у коми - 601, у удмуртов 573, у марийцев - 468, у мордвы - 763 (9). Что касается чтения и письма, то лишь половина коми и коми-пермяков, как в городе, так и на селе, обладает достаточными навыками для того, чтобы без затруднений читать тексты на национальном языке и пользоваться им в личной и деловой переписке. Примерно такая же ситуация у удмуртов, марийцев, мордвы, карел. Если же говорить о предпочтениях, то большинство при чтении и письме предпочитает пользоваться русским языком.

Следует, однако, отметить, что в последние несколько лет предпринимаются серьезные усилия для того, чтобы поднять престиж и статус языков титульных национальностей в бывших финно-угорских автономных республиках России. Наряду с расширением представительства языков в средствах массовой информации, с усилением их роли в системе школьного образования меняется и их юридический статус. В 1992 г. в Коми республике принят закон "О государственных языках Республики Коми", согласно которому коми и русский языки на территории республики объявлены государственными и в 1994 г. принята программа реализации этого языка, точнее, первая ее часть "Сохранение и развитие коми языка". Аналогичный закон принят в 1995 г. в Республике Марий Эл. Законы о государственных языках разработаны, но пока не приняты в Мордовии и Удмуртии. В "Уставе Коми-Пермяцкого округа", который принят Законодательным собранием в декабре 1994 г., напротив, сказано, что государственным языком в округе является русский, хотя тут же оговорено, что в официальной практике может использоваться и коми-пермяцкий.

Тем не менее в российском законе о языках особо отмечено, что каждый народ обладает "языковым суверенитетом". Такова ситуация сегодня. А если мы обратимся к истории, то следует вспомнить, что в феврале 1927 г., например, в Коми-Пермяцком округе было принято Положение о введении коми языка. В первом пункте этого положения говорилось: "В пределах Коми-Пермяцкого округа считать государственными языками коми и русский", а во втором: "На всех заседаниях, конференциях и съездах коми и русский язык имеют равные права". Примерно такие же положения были приняты тогда в Автономной области Коми и ряде других национально-территориальных образований.

Однако нынешняя ситуация принципиально иная. Прежде всего, языковое развитие происходит на фоне совершенно иной этнической ситуации - титульные национальности превратились в меньшинство в своих республиках. Поэтому и принятие региональных законов о языках мало меняет языковые настроения и ориентации. Так, опрос, проведенный нами в Коми в рамках российско-американского проекта "Предвыборная ситуация в России" в ноябре-декабре 1993 г., показал, в частности, что большинство населения не только не считает, что все люди, проживающие в автономиях, должны знать язык титульной национальности, но и выступает против введения обязательного обучения этому языку в школе (даже среди коми за это высказалось меньше половины респондентов). Реальная ситуация сильнее воздействует на ориентации, чем

любые, даже самые лучшие, законы и программы, могущие остаться простыми декларациями. Поэтому чрезвычайно важна каждодневная работа по изменению языковой ситуации. В 1996 г. мы вновь во время массовых опросов пытались выяснить отношение населения к знанию языка титульной национальности и получили результат, свидетельствующий о том, что большинство населения по-прежнему считает знание языка титульной национальности необязательным, причем доля придерживающихся этого мнения даже возросла, и это характерно для всех национальных групп респондентов.

Этнолингвистическая ситуация в наиболее полной мере отражает глубину процессов этнической эрозии, происходящих в среде финно-угорских народов. Однако многие отечественные этнологи справедливо отмечают, что для этнического развития того или иного народа более важно состояние этнического (или национального) самосознания. На наш взгляд, существенное значение играет осознание представителями данного народа своей причастности к некоей общности, своего родства с другими представителями этноса.

Результаты исследований показывают, что у многих финно-угорских народов произошли серьезные изменения и в сфере этнического самосознания. В частности, серьезно ослабла национальная лояльность - прежде всего у городских частей этносов. Безусловно, все эти наблюдения откровением не являются, и национальная интеллигенция, обеспокоенная процессами этнической эрозии во всех финно-угорских национальных образованиях, ищет выход из сложившейся ситуации.

Данное обстоятельство, равно как и процессы демократизации, обусловили возникновение и развитие (а порой и воссоздание) современных национальных движений у финно-угорских народов РФ. Их сила и влияние у разных народов различны. Наиболее влиятельным по сравнению с другими является коми национальное движение. В период между съездами коми народа политическим выразителем его идей является "Комитет возрождения коми народа"; крайние позиции занимает партия "Доръям асьнымос" (Защитим себя). У коми-пермяков действует общество "Югер", теснейшим образом связанное с коми национальным движением. В Марий Эл активно проявляет себя марийский союз "Марий Ушем", в Удмуртии - "Удмурт кенеш" (высший орган - всеудмуртский съезд "Бадзым кенеш"), в Мордовии - "Масторава" (последнее движение, правда, фактически раскололось).

Обойдя вопрос о влиянии этих обществ и движений на широкие слои населения, остановимся на их идеологии. Принципиальное значение имеет то, что "идеологизация и политизация этнических групп происходит во времена общественной напряженности, соперничества и вражды, когда этнические лидеры убеждают носителей этнических культур ощутить свою судьбу скорее в этнических, нежели в личностных или классовых категориях, и доказывают им, что без этнической общинной солидарности их отличительные ценности и обычаи будут находиться под угрозой, а само выживание группы подвергается опасности" (10).

Говоря о выработке идеологии финно-угорских национальных движений России, важно заметить, что ее основополагающие принципы очень близки, в частности, разработанным ранее положениям Общей программы Народного фронта Эстонии, указывающим на необходимость "обеспечить всем народам право на самоопределение и реальный суверенитет национальных республик на их исторической территории. Гарантией прав коренной нации является консти-

туционное признание его языка государственным, узаконивание республиканского гражданства и защита национальной символики" (11). Эти принципы, а также идея реформирования органов законодательной власти (также находящая зарубежные аналогии) являются фундаментальными постулатами идеологии национальных движений у финно-угорских народов России.

Развитие национальных движений в каждой из республик происходило, естественно, в различных условиях и с разными сложностями, но важно, что эти движения стали быстро интегрироваться. В начале февраля 1992 г. в Сыктывкаре состоялась конференция полномочных представителей национальных форумов (съездов), общественно-политических и национально-культурных движений, созванная по инициативе Комитета возрождения коми народа. На этой конференции была учреждена Ассоциация финно-угорских народов, принят её устав, где записано, что целью ассоциации является "консолидация усилий и координация действий финно-угорских народов в борьбе за выживание и создание благоприятных предпосылок для формирования единого финно-угорского социально-экономического, культурного, информационного пространства" (12).

В мае в Ижевске прошел I съезд финно-угорских народов России (летом 1995 г. в Кудымкаре состоялся II съезд), где было заявлено: "Большинство народов Российской Федерации не признается правительственными органами и лишены возможности выражения и проведения в жизнь своих стремлений и прав" (13). Эта цитата взята из "Декларации прав коренных народов России", принятой на съезде. Отметим, что от имени всех коренных народов выступили только представители финно-угорских народов. Идея выделения коренных народов играет важную роль в идеологии национальных движений. В трактовке их идеологов коренные народы - это титульные национальности. В международной практике нет общепринятого определения понятия "коренное население" (14). Нет определенности в этом вопросе и во взглядах отечественных этнологов, которые недавно разработали свой проект закона о правах коренных народов. Однако в идейных установках национальных движений выделение так называемых "коренных этносов" является базой для обоснования приоритетных прав коренных народов, что вызывает серьезную озабоченность иноэтнического населения. Но разделение народов на коренные и некоренные - очень сложная задача. Например, кого считать коренным населением на нижней Печоре и в ее верховьях (Республика Коми), если русские поселенцы обосновались там раньше, чем коми. Издревле русские живут и в некоторых других районах Республики Коми. То же самое можно сказать и о многих других национальных республиках. Но самое главное, что в Концепции Государственной национальной политики РФ, утвержденной президентом, сказано, что все народы России являются коренными и государственнообразующими. Таким образом, некоторые принципиальные идеи, выдвигаемые национальными движениями в финно-угорских республиках, вступают в противоречие с идеями федерализма и общегосударственной политики.

В декабре 1992 г. в Сыктывкаре состоялся Всемирный конгресс финно-угорских народов. На конгресс прибыли делегации из Эстонии, Венгрии, Финляндии, всех финно-угорских республик России и целого ряда областей. На конгрессе была принята "Декларация об основных принципах, целях и задачах сотрудничества финно-угорских народов мира", "Обращение к Парламентам и Правительствам Российской Федерации и финно-угорских республик, входящих

в ее состав", "Положение о консультативном комитете финно-угорских народов". Созданный на конгрессе консультативный комитет финно-угорских народов является координирующим органом Всемироного конгресса, его штаб-квартира находится в Хельсинки, где издается его "Информационный бюллетень". Лидерам финно-угорских движений удалось согласовать свои политические позиции, и они были изложены в соответствующих документах.

Положение языков, реформирование органов государственной власти и расширение форм политического представительства наций, этническое самоопределение, гражданство в республиках - это основные политические идеи, вокруг которых в финно-угорских республиках идут споры и политическая борьба.

Поскольку ситуация с языками нами уже освещена, остановимся на более важных с политической точки зрения идеях. Первая - это идея некоего этнического самоопределения. Подмена национального самоопределения этническим и идеи согражданства идеей национального государства или, точнее, этнической государственности есть совершенно очевидная политизация этничности, ибо в многонациональных финно-угорских республиках опасно противопоставлять политические интересы одной национальной общины интересам других. Само же по себе "национальное государство" в современном мире является иллюзией", - справедливо отмечает политолог Гудмундар Альфредсон (15). Более того, ряд ученых считают, что в современном мире движение, преследующее цель самоопределения, подрывают потенциал демократического развития в новых независимых государствах и подвергают опасности основания народопрательства (16).

Непосредственно связаны с идеей этнического самоопределения и предложения о реформировании представительных органов власти. На съезде в Ижевске все национальные делегации пришли к согласию, что парламенты финно-угорских республик должны быть двухпалатными, причем одна из палат будет состоять только из лиц титульной национальности данной республики (округа). Основанием для этого были опасения, что лица "коренной" национальности не будут представлены в парламентах в достаточной для обеспечения защиты своих национальных интересов мере. Примером послужили саамские парламенты в Швеции, Финляндии и Норвегии (17) и предложения эстонских экспертов.

Между тем российская практика показывает, что доля титульной национальности в составе населения не играет решающей роли (пример - Татарстан, Башкортостан, Якутия), и саамские парламенты не могут служить примером, поскольку созданы именно с учетом саамской специфики. Сам метод формирования палаты по национальному признаку означает отказ от принципа прямого, равного и тайного голосования. Вместе с тем следует согласиться с утверждением В.А.Тишкова, что "обычный демократический принцип "один человек - один голос" не является универсальным для обществ со сложным составом населения. Он только обеспечивает базовую основу демократии и ориентирован прежде всего на индивидуальные гражданские права. Этот принцип должен дотраиваться системой ограничителей, балансов и стимулов, которые ориентированы на обеспечение коллективных прав и интересов культурно-отличительных общностей" (18).

Но слабость многих национальных движений в том и заключается, что они зачастую не стали искать эти "ограничители, балансы и стимулы", а стали

требовать сверхпредставительства в парламентах. Например, в Республике Коми это выразилось в требовании сделать республиканский парламент двухпалатным, и одну из палат (Палату Коми) формировать только из лиц коми национальности. Это требование было неоднократно повторено в различных декларациях, резолюциях и предвыборных программах национальных организаций (19). Но так как механизма формирования подобной палаты предложено не было, то эти призывы являлись, в сущности, лишь пропагандистскими акциями.

Между тем своеобразной формой этнического представительства могли бы стать так называемые съезды народов. В Республике Коми первый съезд коми народа состоялся в 1991 г., а в ноябре 1995 г. прошел уже четвертый такой съезд. В 1992 г. в столице Республики Марий Эл состоялся съезд марийского народа; он был назван третьим съездом, поскольку первые два таких съезда состоялись в июле 1917 г. и в 1918 г. (в октябре 1996 г. состоялся IV съезд). В Удмуртии в 1991 г. прошел Всесоюзный съезд удмуртов, а в 1994 г. состоялся очередной съезд удмуртов.

В декларации II Чрезвычайного съезда коми народа (1992 г.) было заявлено, что он является "высшим представительным собранием коми народа", а в декларации "О статусе съезда мари" отмечалось: "Высшее представительное собрание народа мари... учреждает съезд народа мари как орган общественного самоуправления, действующий во имя возрождения и консолидации марийского этноса" (20). Спустя несколько месяцев после II съезда Верховный Совет Республики Коми принял закон "О статусе съезда коми народа", где продекларированный статус съезда был законодательно закреплён. При этом в третьей статье закона специально оговаривалось: "Правомочность съезда коми народа обеспечивается демократическими выборами его делегатов в соответствии с Положением о выборах, не противоречащим законодательству Республики Коми" (21). Этот закон уникален, поскольку подобных законодательных актов нет в других финно-угорских государственных образованиях.

После принятия закона было разработано положение о выборах делегатов на съезд коми народа (отсутствие такого положения в предшествующее время давало основание говорить, что избрание делегатов осуществлялось практически по разнарядке). Но и в положении процедура выборов строго не оговаривалась, и демократическое право каждого коми человека избирать и быть избранным на съезд никак не гарантировалось. Даже такие исходные понятия как "собрания" и "сходы" граждан, на которых должно было происходить избрание делегатов, никак не определялись; из закона не ясно, когда они правомочны, каков порядок контроля за процедурами выборов и т.д. Отсутствие строгой процедуры выборов способно отсечь от участия в них значительную часть коми населения, и выработка идеологии и практики национального движения может стать уделом замкнутых группировок. Вместе с тем на последнем съезде коми народа прозвучало требование коллективной включенности этноса в политический процесс. Таким образом, возникают противоречия между идеей представительного собрания этноса и практикой ее реализации.

Но важно другое - идея этнического представительства так или иначе пробивает себе дорогу. Уже выдвигаются предложения создать Ассамблею народов России, которая была бы своего рода общественно-государственной палатой при президенте и парламенте страны (22). Но и эта ассамблея, и съезды народов,

*Национальное развитие и этнополитика в восточнофинских
республиках России*

проводимые в различных регионах страны, должны отвечать одному важному требованию - они должны быть легитимны.

Опыт, который был бы весьма полезен при создании системы этнического представительства, есть. Можно сослаться на норвежский закон "О законодательном собрании народа саами", где оговаривается порядок выборов в это собрание. По закону выборы проводятся в тот же день, что и выборы в стортинг (парламент). Избрание законодательного собрания производится прямым голосованием. Четко оговариваются избирательные округа, где проводятся выборы делегатов. Правом голоса обладают все лица, имеющие право голоса на муниципальных выборах и включенные в специальный список саами. Все включенные в этот список имеют право выдвигать кандидатов (23). Использование той же процедуры выборов, которая применяется при выборах в общенациональный парламент, и проведение выборов в собрание саами одновременно с парламентскими позволяет обеспечить действительно демократический характер этого органа и повышает его статус в глазах общественного мнения.

Логически связана с идеей реформирования парламентов и идея республиканского гражданства. Более того, она непосредственно вытекает из деклараций о государственном суверенитете, которые были приняты практически во всех республиках России. Абсурдность суверенитета частей единого государства не раз подчеркивалась юристами, но эта акция имела прежде всего политическое значение, и смысл ее состоял в давлении на федеральный центр с целью расширения полномочий территорий. Но поскольку идея государственного суверенитета национальных территорий получила, так сказать, права гражданства (хотя кое-где эти декларации были отменены), республиканское гражданство превратилось в активно дискутируемую проблему. Важно отметить, что и провозглашение суверенитета, и принятие законов о республиканском гражданстве (и введение постов президентов республик) есть форма дистанционирования от центра, от России, а в стране, где 82% населения составляют русские, где русские являются референтной группой для других национальных общин и нередко доминируют в республиках, идея республиканского гражданства вряд ли может быть жизненной. Об этом свидетельствует и гражданская идентификация респондентов, которая была выявлена нами в ходе массового опроса в декабре 1993 г. во время реализации Российско-американского проекта "Предвыборная ситуация в России". Так, на вопрос "Представителем какой государственности Вы себя считаете?", в Коми республике только 9,6% респондентов заявили, что считают себя только представителем своей республики (21,6% коми, 5,1% русских, 3,8% представителей других национальностей), а большинство склонно считать себя и россиянином, и представителем данной республики. Чуть меньшая доля опрошенных считает себя больше россиянами или только россиянами. Примерно такие же результаты были получены и по другим республикам.

Реализация законов о республиканском гражданстве на практике означала бы лишение части жителей гражданских прав, ибо предполагает введение ценза оседлости и других ограничений. В таких республиках как Коми это может задеть интересы очень широких слоев населения, ибо север республики традиционно осваивается за счет мигрантов из других районов страны и временных переселенцев. Если же права гражданства получают все лица, постоянно проживающие в данной республике (как это предлагалось в декларации съезда народа мари), то смысл республиканского гражданства вообще теряется. К тому же во

Всеобщей декларации прав человека сказано, что каждый человек имеет право на гражданство, и естественно, что в единой стране ее граждане не могут в одной части государства иметь полные права, а в другой - какие-то усеченные. Национальные конфликты назревают там и тогда, где и когда накапливается достаточный потенциал разделительных социальных маркеров (коренной - некоренной, гражданин - негражданин, знающий язык коренного этноса - не владеющий языком и т.п.). А в условиях низкой политической культуры и несформировавшегося еще гражданского общества путь проведения "внутренних границ" в национальных республиках может оказаться просто разрушителен.

Впрочем, переоценивать влияние национальных движений не следует, ибо в Коми республике с деятельностью коми движения знакомы менее трети опрошенных (среди коми - чуть более трети). В Мордовии таковых около 40% (24), и в других республиках положение сходное; а оценки этой деятельности весьма разные. Многие западные ученые утверждают, что национализм вообще не может быть идеологией, поскольку лишен черт универсальной значимости. Тем не менее реальность в финно-угорских республиках такова, что происходит именно мобилизация этничности, ее активное включение в политический процесс.

Важно подчеркнуть, что в принципе мало кто выступает против того, чтобы каждый народ мог свободно развивать свою культуру, свои общественные институты. Но в обществе существует серьезное опасение, что какие-то перегибы в ходе национального строительства будут способствовать возникновению этнических конфликтов. Наши исследования показывают, что даже в регионах со стабильным характером межэтнических отношений (к которым относятся финно-угорские республики и автономии), имеют место конфликты идеологий, поскольку идейные установки национальных движений титульных этносов и возникших вслед за ними русских национальных организаций нередко не только расходятся, но и противоречат друг другу. Кроме того, порой достаточно очевидно проявляются конфликты общественных настроений, ибо титульные этносы ожидают от иноэтнического населения стремление к культурной адаптации, но это население как правило не проявляет желания осваивать язык и культуру "коренных этносов". Внутри полиэтнического сообщества наличествуют различные внутренние барьеры, стереотипы и предрассудки, которые препятствуют оптимизации межэтнических отношений. С тем, чтобы избежать конфликтов и оптимизировать межнациональные отношения, необходимо выработать специальные процедуры, с помощью которых можно было бы согласовывать интересы национальных общин, отстаивать их права и избегать злоупотреблений властью в пользу какой-то одной из них. Американский исследователь этнических конфликтов Уильям Юри считает, что этой цели должен служить специальный переговорный процесс (25). Мы согласны с тем, что только широкий общественный диалог и публичное согласование интересов различных национальных общин, издавна сосуществующих в восточнофинских республиках, могут реально способствовать решению национальных проблем.

ПРИМЕЧАНИЯ.

1. Марченко Г.И. Этнополитология как наука // Вестник Московского университета. Серия 12. Социально-политические исследования. 1994. № 3. С. 63.

*Национальное развитие и этнополитика в восточнофинских
республиках России*

2. Сиркка Сааринен, Проблемы формирования и развития финно-угорских литературных языков // Коми-пермяки и финно-угорский мир. Сыктывкар, 1995. С. 75.
3. Ленин В.И. Избранные сочинения. Т. 10. С.376.
4. Wixman R. Applied Soviet nationality policy: A suggested rationale // Pässe-Turco-Tatar, present sovietique. P., 1986. P. 449-468.
5. Известия, 5 июля 1995 г.
6. Шовинисты ли мы? // Родина. 1996. № 9. С. 17.
7. Сануков К. Марийцы: прошлое, настоящее, будущее. Йошкар-Ола, 1993. С. 14.
8. Удмурты: историко-этнографические очерки. Ижевск, 1993. С.366.
9. Финно-угорские регионы России в цифрах. Сыктывкар, 1996. С.37.
10. Smith A. Introduction: The formation of nationalist movement // Nationalist movements. L., 1976. P. 29.
11. Народный конгресс: Сборник материалов конгресса народного фронта 1-2 октября 1988 г. Сост. О.Оттенсон. Таллин, 1989. С.176.
12. Декларация учредителей полномочных представителей финно-угорских народов//Парма. 1992. № 1. С.4-5.
13. Документы, принятые Всероссийским съездом финно-угорских народов. Ижевск, 1992. С.2.
14. Коренное население. Глобальное стремление к справедливости. Доклад для независимой комиссии по международным гуманитарным вопросам. М.,1990. С.15.
15. Гудмундар Альфредсон. Права меньшинств: равенство и недискриминация // Ленинградская конференция по правам меньшинств. Доклады и сообщения (русские тексты). Л., 1991. С.24.
16. Уткин А. Национализм и будущее мирового сообщества // Свободная мысль. 1993. № 3. С.83.
17. Helander E. A saami strategy for language preservation // Readings in saami history, culture and language II. Umea, 1991. №12. P. 145.
18. Тишков В.А. Межнациональные отношения в Российской Федерации. Доклад на заседании Президиума Российской Академии наук 23 февраля 1993 г. М., 1993. С.40.
19. Штрихи этнополитического развития Республики Коми. Очерки. Документы. Материалы. М., 1994. Т. 1.
20. Пробуждение финно-угорского Севера. Опыт Марий Эл. М., 1996. Т. I. С.292.
21. Штрихи этнополитического развития Республики Коми. Очерки. Документы. Материалы. М., 1994. Т.1. С. 129.
22. Зорин В. Национальные аспекты российского федерализма // Свободная мысль. 1996. № 10. С.28.
23. Статус малочисленных народов России. Правовые акты и документы. М., 1994. С.463-467.
24. Кулешова Г.П. Роль этнокультуры в развитии наций и межнациональных отношений. Автореф. канд. дис. Саранск, 1996.
25. Юри Уильям. Этнические конфликты: что можно сделать? // Национальная политика в Российской Федерации. М., 1993. С.78.